

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №3, Том 13 / 2022, No 3, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK322.pdf>

DOI: 10.15862/46SCSK322 (<https://doi.org/10.15862/46SCSK322>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кублицкая, Е. А. К анализу религиозной ситуации в Белгородской области / Е. А. Кублицкая, С. Д. Лебедев // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK322.pdf> DOI: 10.15862/46SCSK322

For citation:

Kublitskaya E.A., Lebedev S.D. To the analysis of the religious situation in the Belgorod region. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 3(13): 46SCSK322. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/46SCSK322.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/46SCSK322

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПП-71 от 16.01.2020 г.).

УДК 31.314/316

Кублицкая Елена Александровна

ФГБУН «Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук»,
Москва, Россия

Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Ведущий научный сотрудник
Кандидат философских наук
E-mail: eakubl@yandex.ru

Лебедев Сергей Дмитриевич

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
Профессор кафедры «Социологии и организации работы с молодёжью»

Кандидат социологических наук, доцент
E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

К анализу религиозной ситуации в Белгородской области

Аннотация. В статье приводятся результаты мониторинга религиозной ситуации по Белгородской области в 2016–2020 гг. Методологической основой исследования являются теоретическая концепция религиозной ситуации Д.М. Угриновича — И.Н. Яблоков — Р.А. Лопаткина и авторские разработки отдельных показателей религиозности. Представлена авторская методика, позволяющая зафиксировать и сопоставить различные показатели религиозности населения. Результаты исследования дают представление о состоянии и динамике религиозности в регионе на начало 2020-х гг.

Ключевые слова: религиозная ситуация; религиозность; религиозная вера; российские регионы; ценности; Белгородская область

Введение

Религия — один из значимых и чрезвычайно многообразных по форме и амбивалентных по последствиям факторов в жизни обществ современности. По выражению итальянских социологов Р. Чиприани и Р. Рикуччи, «штудии и исследования подчеркивают жизнеспособность священного на индивидуальном, групповом и институциональном уровнях»

[19, с. 5]. Наиболее злободневным аспектом социальной жизни религии сегодня представляется то, что она выступает «этнокультурным фактором, влияющим на неблагоприятное развитие межэтнического взаимодействия в стране» [14, с. 125].

Религиозная ситуация в российских регионах представляет собой важнейшую базовую составляющую религиозной ситуации на уровне страны. В этой связи Белгородская область является собой, с одной стороны, типичный регион Центральной части европейской России, с преимущественно этнически русским и исторически тяготеющим к моноконфессиональности (православное христианство) населением. С другой стороны, это приграничный (фронтальный) регион, до 2014 года имевший транзитно-миграционный характер, и регион, для которого характерна длительная тенденция политической ориентации на православную идеологию.

В этой связи систематическое отслеживание (мониторинг) религиозной ситуации в регионе приобретает особую значимость и актуальность в плане устойчивости/динамики её важнейших показателей, которые в значительной степени связаны со стабильностью всей социально-политической ситуации.

Методика

Методологической основой исследования явились теоретическая концепция религиозной ситуации, разработанная советскими и российскими социологами [1; 7; 8; 15–18], а также собственные разработки авторов в части измерения и интерпретации отдельных социологических показателей [3–6]. Реальное влияние религий и конфессий на общественное сознание и поведение измеряется социологическими методами. Исследование религиозной ситуации в регионе, проведённое Институтом социально-политических исследований и Институтом Демографических исследований РАН совместно с лабораторией «Социология религии, культуры и коммуникаций» Международного Центра социологических исследований НИУ «Белгородский государственный университет» в русле мониторинга (лето 2016 г., лето 2018 г. и лето 2020 г.), позволяет судить об уровне, степени и некоторых качественных моментах состояния религиозности жителей области как показателях состояния общественного сознания.

Исследования были проведены по квотной выборке, объем выборочной совокупности каждого опроса составил: 500 ед. в 2016 г., 599 ед. в 2018 г. и 588 ед. — в 2020 г.; сбор информации осуществлялся методом раздаточного (в 2020 г. — электронного, в связи с пандемией COVID-19) анкетирования; обработка данных реализована с помощью программы статистического анализа SPSS. Было опрошено 45 % мужчин и 55 % женщин (45,2 % и 54,8 % в 2018 г., 48,6 % и 51,4 % в 2020 г.) пропорционально распределённых по 7-ми возрастным группам, из которых 92,8 % (92,3 % в 2018 г. и 94,9 % в 2020 г.) составили русские (что соответствует демографической и этнонациональной статистике населения Белгородской области).

Результаты

Основополагающей характеристикой религиозной ситуации считается состояние религиозности объекта исследования. Оно определяется как комплекс количественных и качественных характеристик группы/общности, описывающий её уровень, степень и характер [7, с. 195, 198].

Самый «общий» показатель характера религиозной ситуации — конфессиональная самоидентификация объекта исследования. Она представляет собой сложный, многомерный тип социальной идентичности, необходимо включающий, как минимум, четыре маркера: собственно религиозный, исторический, культурологический и этнический. При этом, в зависимости от региональных особенностей, этнической принадлежности, политической ориентации и т. д., на первый план в конфессиональной самоидентификации человека может выступить любая из указанных составляющих [5, с. 165]. Согласно данным мониторинга, население Белгородской области субъективно идентифицирует себя со следующими религиями/конфессиями (табл. 1):

Таблица 1

**Конфессиональная самоидентификация респондентов
(в % от числа всех опрошенных), Белгородская область**

		2016	2018	2020
Если Вы верующий, то последователем какой конфессии (церкви) Вы являетесь?	1. Православия	76,6	78,3	83,3
	2. Ислама	2,4	2,1	1,7
	3. Протестантизма	0,6	4,7	3,4
	...			
	6. Буддизма	0,4	0,6	0,0
	7. Другое (напишите)	2,0	0,8	0,9
	8. Верю в существование сверхъестественной силы, но ни к какой конфессии не отношусь	5,8	12,3	8,5

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Следующим важнейшим показателем состояния религиозности выступает собственно религиозная самоидентификация населения. Стандартный закрытый вопрос «Считаете ли Вы себя...» даёт следующие показатели по ответам (табл. 2):

Таблица 2

**Религиозная самоидентификация респондентов
(в % от числа всех опрошенных), Белгородская область**

		2016	2018	2020
Считаете ли Вы себя:	1. Верующим	61,2	55,9	63,3
	2. Колеблющимся между верой и неверием	21,3	15,5	16,0
	3. Неверующим	6,2	8,8	7,5
	4. Атеистом	4,8	8,5	5,8
	5. Затрудняюсь ответить	6,4	11,2	7,5

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Как можно видеть, в регионе ожидаемо лидирует религиозная самоидентификация: в среднем около 60 % определяют себя как «верующих». Число колеблющихся между верой и неверием — примерно в 3–3,5 раза меньше. Ещё меньше относят себя к «неверующим» (6–9 %) и атеистам (5–9 %), что в сумме, впрочем, даёт от 11 до 17 % жителей региона. Это сопоставимо с числом колеблющихся. Затруднившихся с самоопределением — от 6 % в 2016 г. до 11 % в 2018 г.

Уточняющим в части религиозной самоидентификации выступает вопрос о характере предмета религиозной веры. Число верующих в Бога (таких относительно большинство — около половины от всех опрошенных) в 2018 г., в сравнении с показателем 2016 г., падает почти

на 10 % от выборки в целом, а в 2020-м возвращается к показателю, близкому, хотя и не достигающему значения 2016 г. Сходная ситуация с небольшой подгруппой «верующих не в Бога, а в другие сверхъестественные или мистические силы». А вот число сочетающих веру в Бога и другую сверхъестественную силу (подразумевается — равнозначную) растёт, и рост его в 2020 г. достигает 5 % (1/4 от всей подгруппы). Категория «допускающих существование» сверхъестественного в различных его вариантах резко, почти вдвое, возрастает в 2018 г. и примерно настолько же вновь снижается в 2020 г. Численность тех, кто не верит, возрастает в 2 с лишним раза и потом снижается примерно на 1/5. Число затруднившихся с ответом возрастает сначала в полтора раза, а потом падает примерно вдвое (табл. 3):

Таблица 3

Показатель религиозного сознания «вера в Бога/сверхъестественное» (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

		2016	2018	2020
Верите ли Вы в Бога?	1. Верю в Бога, создавшего мир и управляющего им	46,8	37,7	44,6
	2. Верю в Бога и в существование другой сверхъестественной силы	15,1	15,7	20,4
	3. Верю не в Бога, а в другие сверхъестественные или мистические силы	7,9	1,2	3,1
	4. Допускаю существование Бога или некой сверхъестественной силы	17,5	31,5	16,7
	5. Не верю в Бога	6,0	13,7	10,5
	6. Затрудняюсь ответить	6,7	10,2	4,8

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Если же применить ещё один, ценностно-рефлексивный критерий, предполагающий субъективную оценку значимости респондентом в своей жизни религиозной веры [21], то картина представляется следующим образом. Ценностный ранг религиозной веры среди 20 отобранных для анализа базовых жизненных ценностей устойчиво сохраняет за собой одно из последних мест. Контингент опрошенных, указывающий на терминальный характер для себя ценности религиозной веры, составляет около 1/3 от всей выборки в 2016 г. В 2018 г. его численность падает на 4 %, а в 2020 вновь возрастает на 2 %. Те, для кого религиозная вера просто «важна» (предположительно имеет характер инструментальной ценности), снижают свою численность в 2018 г. с абсолютного большинства (более 50 %) до менее 40 % и снова повышают её в 2020 г. до 46 %. Те, для кого она несущественна, демонстрируют резкий — в 2 раза — рост численности в 2018 г. и падение её на четверть в 2020 г. (табл. 4):

Таблица 4

Религиозность населения региона Показатель религиозного сознания: «Базовая ценность религиозной веры» (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

		2016	2018	2020
Религиозная вера	1. Очень важная	31,7	27,4	29,4
	2. Важная	52,0	38,8	46,0
	3. Неважная	16,3	33,8	24,0

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Конечно, при измерении уровня и характера религиозности населения нельзя обойти вниманием религиозные практики. Они, как часть образа жизни, характерны для меньшинства, представляющего активных верующих. Из числа основных религиозных практик,

инвариантных для наиболее распространённых в регионе конфессий¹, мы проиллюстрируем две публичные и две приватные.

Участие в религиозных обрядах — наиболее массовый тип публичных религиозных (культурных) практик, в который вовлечены не только активные верующие, но и достаточно широкие круги «культурно религиозного» населения. Динамика участия в них населения Белгородской области, согласно данным мониторинга, отражена в таблице 5:

Таблица 5

Публичные религиозные практики Показатель религиозного поведения: участие в религиозных обрядах (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

		2016	2018	2020
Участвуете ли Вы: В религиозных обрядах?	1. Часто	10,2	13,9	9,2
	2. Иногда	42,8	40,9	50,7
	3. Никогда	33,7	45,2	40,1

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

В подгруппе часто участвующих в отправлении религиозных обрядов (порядка 10 % населения) можно видеть подъём активности примерно на 1/3 в 2018 г. и спад до показателя несколько ниже первоначального в 2020 г. В подгруппе участвующих «иногда», наоборот, наблюдается небольшой спад в 2018 г. и резкий — на 1/5 — рост активности в 2020 г. Подгруппа не участвующих в религиозных обрядах, составившая 1/3 выборки в 2016 г., вырастает почти до её половины в 2018 г. и вновь уменьшается до 40 % в 2020 г.

Для доминирующей в регионе и в России в целом конфессии православного христианства основополагающими являются религиозные Таинства причастия и исповеди. Данные мониторинга по этим важнейшим культовым практикам приведены в таблице 6:

Таблица 6

Публичные религиозные практики Показатель религиозного поведения: христианские Таинства — исповедь и причастие (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

Можете ли Вы сказать про себя:		2016	2018	2020
Исповедуюсь, причащаюсь?	1. Часто	8,2	7,3	9,5
	2. Иногда	39,2	36,1	40,1
	3. Никогда	43,0	44,9	47,3
	4. Затрудняюсь ответить	9,6	11,7	3,1

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Здесь можно видеть, что религиозно активная (воцерковлённая) часть православных верующих региона, составляющая в 2016 г. 8,2 %, в 2018 г. уменьшилась на 1/8, но в 2020 вновь выросла почти на четверть. Сходная, хотя более «сглаженная» динамика в подгруппе, которая исповедуется и причащается «иногда». В подгруппе же никогда не приступавших к этим Таинствам (она самая большая — около половины от выборки) наблюдается небольшой, но неуклонный рост от 43 % до 45 % в 2018 г. и до 47 % в 2020 г. Характерно, что число

¹ За исключением Таинств исповеди и причастия, характерных только для древнейших конфессий христианства.

затруднившихся ответить, достаточно высокое в 2016 и 2018 гг. (порядка 10 %), падает в 2020 г. до уровня статистической погрешности (3,1 %).

Из числа частных (приватных) религиозных практик наиболее распространены молитвы и их аналоги (мантры в восточных религиях). Статистика мониторинга по ним приведена в таблице 7:

Таблица 7

Приватные религиозные практики Показатель религиозного поведения: частная молитва (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

		2016	2018	2020
Совершаю молитвы (церковные молитвы, намаз, читаю мантры, личные молитвы)	1. Часто	15,7	21,0	20,1
	2. Иногда	45,4	40,2	46,6
	3. Никогда	29,5	28,7	30,3
	4. Затрудняюсь ответить	9,4	10,0	3,1

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Подгруппа часто молящихся вырастает примерно на четверть в 2018 г. и незначительно снижает свою численность в 2020 г. Число тех, кто молится «иногда» (их больше всех, около половины от выборки), падает на 1/9 в 2018 г. и восстанавливается в 2020 г. Подгруппа никогда не молящихся (таких около 1/3 от выборки) наиболее устойчива — колебания в пределах 1 % (в размерах всей выборки — в пределах стат. погрешности). Число затруднившихся с ответом аналогично с предыдущим вопросом: падает в 2020 г. от 10 % до 3,1 %.

Наконец, одной из важнейших универсальных религиозных практик является пост — религиозно мотивированные ограничения в жизненных благах (пища и ряд других). Соответствующие данные отображает таблице 8:

Таблица 8

Приватные религиозные практики Показатель религиозного поведения: пост (в % от числа всех опрошенных), Белгородская область

		2016	2018	2020
Соблюдаю религиозные посты	1. Часто	11,6	9,5	8,2
	2. Иногда	36,9	26,9	30,3
	3. Никогда	41,8	53,3	56,8
	4. Затрудняюсь ответить	9,6	10,4	4,8

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН, Лаборатория «Социология религии, культуры и коммуникаций» Центра социологических исследований НИУ «БелГУ»

Небольшая подгруппа соблюдающих пост часто (систематически) неуклонно уменьшается в числе с почти 12 % в 2016 г. до 8 % в 2020 г. Число жителей области, постящихся «иногда», снижается на целых 10 % от выборки (более чем на ¼) в 2018 г. и несколько возрастает (всего на 3 %) в 2020 г. Подгруппа никогда не постящихся, самая многочисленная (свыше 50 %) резко возрастает с 42 % до 53 % в 2018 г. и увеличивается далее до 57 % в 2020 г. Динамика «затруднившихся с ответом» примерно аналогична с двумя предыдущими вопросами.

Обсуждение

В плане *конфессионального самоопределения* жителей региона на первом месте и с большим отрывом от всех остальных вариантов ожидаемо находится идентификация с православным христианством. При этом наблюдается небольшая, но заметная тенденция её роста: от 77 % в 2016 г. до 83 % в 2020 г.

Здесь следует отметить уже констатированное нами в 2019 г. подтверждение гипотезы Е.А. Кублицкой 1988 г., в соответствии с которой рост национального самосознания, актуализирующий взаимосвязь национального и религиозного, повышает уровень конфессиональной самоидентификации среди нерелигиозного населения² [5, с. 163]. Это отвечает широко распространённому определению религиозной «принадлежности без веры» (Д. Эрвьё-Леже). Применительно к Белгородской области, для которой исторически и актуально характерна сильная доминанта «мажоритарной» [15, с. 111] для России конфессии — православия, представленного РПЦ МП, данный факт объясняется, главным образом, «культурной религиозностью» населения. Православие и «православность» выступают как самостоятельная символическая ценность, укоренённая не только и не столько в религиозности как таковой, сколько в светском сознании и культуре. Она символизирует национальную идентичность и культурно-историческую принадлежность для подавляющего большинства (свыше 90 %) населения региона. «По всей видимости, соотнесение себя с православием является проявлением не только (а возможно, что и не столько) религиозной идентичности, сколько идентичности этнокультурной. Срабатывает паттерн «русский — значит православный» [2, с. 74].

На втором месте (и на порядок меньше числом) — «верующие вне конфессий», идентификация, которая выражается в признании респондентом себя в качестве верующего в сверхъестественное начало, но без соотнесения с конкретным вероучением и религиозным объединением [9, с. 248]. Здесь речь идёт уже о другом распространённом в современном мире явлении — «вере без принадлежности» (Г. Дейви). Растождествление религиозных импульсов и установок сознания и психологии с их «изначальным» культурным оформлением — вследствие выпадения нескольких поколений из религиозной традиции на уровне семьи [13, с. 274] и утраты значительной части религиозной памяти [10] — закономерно приводит к тому, что значительное число людей, ощущая и осознавая себя религиозными, длительное время остаётся вне конфессиональных «полей».

На третье место в регионе по данным 2016 г. выходит ислам (max 2,4 %), по данным 2018 (max 4,7 %) и 2020 гг. — протестантизм. Все прочие конфессиональные самоидентификации, вместе взятые, присутствуют в таблице в пределах статистической погрешности.

В *части религиозной самоидентификации* населения региона также можно отметить изменения: небольшое, но заметное «проседание» её с 61 % до 56 % в 2018 г. с последующим возрастанием до 63 % в 2020 г. Близкая тенденция падения — с 21 % до 16 % (но практически без последующего возрастания) наблюдается и среди «колеблющихся» граждан. Напротив, «пик» самоидентификации неверующих и атеистов в регионе приходится на 2018 г. Сходная динамика и у контингента, затруднившегося с самоопределением в отношении религии.

Соотнося эти показатели в динамике, можно предположить, что к 2018 г. некоторая часть верующих по самоидентификации перешли в категорию колеблющихся, тогда как ещё большее количество из категории колеблющихся пополнило ряды неверующих, атеистов и затруднившихся с самоопределением. Ещё через два года произошла обратная эволюция, но с

² Ранее эта гипотеза нашла свое подтверждение в комплексных исследованиях ИСПИ РАН 2002–2018 гг.

той разницей, что численность колеблющихся фактически осталась на том же уровне. Можно говорить о тенденции к мировоззренческой поляризации по признаку отношения к религии, которую несколько сглаживает относительный рост контингента «затруднившихся». Последние, вместе с колеблющимися, могут быть отнесены к категории *nones* — «никаких», объединяющей несколько разнородных мировоззренческих групп по признаку непринадлежности к какой-либо религии/конфессии [12, с. 38]. Согласно типологии Л. Ченн, К. Мак-Грегора и Р. Патнэма, затруднившихся правомерно отнести к «стабильным никаким», тогда как колеблющихся — к «лиминальным никаким» [20, с. 600]³. По всей видимости, «затруднившиеся», в отличие от «колеблющихся», представлены людьми, для которых вопрос религиозной идентичности малоактуален. Те же, для кого он актуален, постепенно делают свой мировоззренческий выбор в ту или иную сторону.

Из ответов на уточняющий вопрос о конкретном *характере предмета религиозной веры* (Бог, создавший мир и управляющий им, или же другие сверхъестественные или мистические силы) можно видеть, что суммарно основные показатели здесь близки к общим показателям религиозной самоидентификации, а динамика их носит сходный характер. Этим подтверждается тенденция к поляризации мировоззренческих позиций, но с важными уточнениями: конкретный характер религиозной веры у верующего контингента размывается за счёт некоторого возрастания «двоеверия» — числа тех, кто совмещает веру в Бога и веру в другие, сопоставимые по субъективной значимости «сверхчувственные и сверхразумные» (П.А. Сорокин) силы. Как отмечает С.В. Трофимов, «на проверку, суждения, насыщающие религиозные представления наших современников, оказываются близки самым разнообразным религиозным источникам и учениям, в том числе противоречащим Христианству» [15, с. 59]. Также следует отметить, что при такой, более точной содержательно постановке вопроса, в 2020 г. снижается число тех, кто затруднился с ответом о своей религиозной самоидентификации (7,5 % — 4,8 %, соответственно). Здесь, по-видимому, срабатывает стереотип понимания религии в ключе монотеизма — по образу и подобию культурно привычного и исторически доминирующего христианства. Как только уточняется, что «религиозными» можно считать и другие представления, многие люди, понимающие высшее начало иначе, идентифицируют себя как «верующих»/«религиозных».

Значимую уточняющую информацию сообщают ответы на табличный вопрос, предлагающий оценить по единой шкале из 3-х позиций («очень важная», «важная», «не важная») *субъективную значимость* для респондента каждой из 20 приведённых базовых ценностей. В соответствии с методологической установкой данного вопроса, позиции «очень важная» соответствует ценностный приоритет, предполагающий терминальный (целевой) характер маркируемой таким образом базовой ценности. Религиозная вера для выбравших эту оценочную позицию с большой вероятностью является жизненным ориентиром, с которым так или иначе соотносится значительная часть других базовых ценностей. Для тех, кто определяет её для себя как просто «важную», религия значима как инструментальная или ситуативная ценность [21].

Здесь бросается в глаза относительная устойчивость религиозного «ядра», составляющего, по данному критерию, чуть меньше 1/3 части населения региона⁴, и значительно более заметные эволюции в других подгруппах. Те, кто считает религию просто

³ «Лиминальность» — понятие, введенное в употребление культурным антропологом В. Тернером для обозначения средней переходной стадии из трех стадий ритуального процесса, когда заново определяется идентичность ритуального субъекта. Социологи применяют его для обозначения состояния, которое можно охарактеризовать как «ни то, ни се» и совсем не обязательно, что достигается одно или другое [12, с. 38].

⁴ К близкой оценке уровня религиозности населения приходит также другой авторский коллектив, проводивший исследование религиозности в Белгородской области в 2016 г. по иной методике: см. [11, с. 112].

«важной» для себя, в 2018 г. сокращаются в количестве почти на треть и в 2020 г. вырастают вновь на четверть. Те же, для кого она не важна, увеличивают в 2018 г. свою численность вдвое и вновь, но уже не так сильно, снижают её в 2020 г.

Как следствие, можно констатировать, что флуктуация 2018 г. мало отразилась на людях с устойчивыми религиозными убеждениями. Что же касается «секулярного большинства», то относительная ценность религии у тех, для кого она имела место, упала на 13 %, или на целую четверть от подвыборки (с 52 % до 39 %), и в 2020 г. вновь выросла, но лишь на 6 %. Напротив, число тех, для кого религия ценности не имеет, выросло в 2018 г. в два с лишним раза (с 16 % до 34 %), и впоследствии снизилось всего на 10 % от общей выборки (до 24 %). Это говорит о том, что в региональном сообществе произошло ослабление не уровня и степени религиозности, но прорелигиозных социальных настроений — снижение и затем лишь частичное восстановление «популярности» религии в массах.

Если говорить о ситуации с *публичными и приватными религиозными практиками*, то их динамика выявляет следующие ключевые моменты. Во-первых, она позволяет говорить об институционально устойчивом «религиозном ядре» населения региона, составляющем порядка 10 % его населения (показатели участия в религиозных обрядах, православных Таинствах и соблюдения постов). Во-вторых, с учётом показателя практики частной молитвы это ядро имеет сопоставимый по объёму «структурный резерв», и потенциально может увеличиться примерно вдвое. В-третьих, религиозная тематика в повседневном сознании людей актуализируется, о чём косвенно, но настойчиво свидетельствует снижение до минимума число «затруднившихся с ответом» на вопросы о своих религиозных практиках. В-четвёртых, можно говорить о тенденции поляризации отношения к религии на повседневно-практическом уровне, когда исследование выявляет достаточно чётко обозначенное «религиозное меньшинство» (10–20 %) и относительное «секулярное большинство» (40–50 %), оба из которых имеют тенденцию к некоторому росту. Предел этого роста для «религиозного меньшинства» задаётся ценностно-рефлексивным критерием отношения к религии, который зафиксирован на уровне порядка 30 %.

Заключение

Таким образом, результаты мониторингового обследования основных показателей религиозной ситуации в Белгородской области в 2016–2020 гг. представляют следующую картину. В регионе традиционно доминирует русское православие, представленное, главным образом, Митрополией РПЦ МП. С ним себя идентифицируют свыше 80 % населения области, что составляет его подавляющее большинство, и за период мониторинга данная идентификация обнаружила тенденцию к росту. Вместе с тем она носит преимущественно культурно-исторический характер. На втором месте в регионе — внеконфессиональная религиозность (порядка 10 % населения). На третье место, в пределах 2–4 %, претендуют протестантизм и ислам. К верующим (религиозным) себя относят порядка 60 % населения, к неверующим и атеистам в сумме 11–17 %. Здесь наблюдается определённая поляризация позиций за счёт снижения числа колеблющихся между верой и неверием. Следует отметить, что содержательно религиозные представления обнаруживают довольно эклектичный характер, выраженный, по меньшей мере, у пятой части от всей выборки и третьей части от считающих себя верующими. По ценностно-рефлексивному критерию к «религиозным» могут быть отнесены порядка 30 % населения области. Уровень и степень институционализированной религиозности, определяемые систематическими культовыми практиками, показывают примерно 10 % населения, которые составляют устойчивое «религиозное ядро». Это последнее имеет «структурный резерв», определяемый практикой систематической молитвы и доходящий до 20 % населения (включая само ядро). Исследование даёт определённое основание говорить об актуализации религиозной

тематики на уровне повседневности и о поляризации населения по отношению к религии в целом как в мировоззренческом, так и в практическом планах. При этом максимальный предел роста религиозного контингента может составить до 30 % населения, а секулярное большинство, соответственно, — до 70 % населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гараджа В.И. Социология религии. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. — 3-е изд., переработанное и дополненное. — М.: ИНФРА-М, 2005. — 348 с.
2. Евстифеев Р.В. Динамика репрезентируемой религиозности населения (по результатам исследований 2015–2019 гг. во Владимирской области) // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 9. 2020. № 9. С. 71–76.
3. Кублицкая Е.А. Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования). М. «СОЦИС» 2009 г., № 4, С. 96–107.
4. Кублицкая Е.А., Назаров М.М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник РАН. 2019, Том 89, номер 11, С. 1120–1127.
5. Кублицкая Е.А., Лебедев С.Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 160–180.
6. Кублицкая Е.А. «Процесс десекуляризации в столичном мегаполисе (мониторинговые исследования 1996–2020) // Сборник по материалам II Декабрьских социально-политических чтений «Как живешь, Россия?» М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
7. Лопаткин Р.А. Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). Монография / Отв. ред. Овсиенко Ф.Г., Одинцов М.И., Трофимчук Н.А. М.: РАГС, 1996.
8. Пивоваров Д.В. Социоцентрические религии: [моногр.] / Д.В. Пивоваров; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 140 с.
9. Писманик М.Г. Религия в культуре и в гражданском единении. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2019.
10. Покровская Т.Ю. Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках на примере сёл Черноземья России / Т.Ю. Покровская. СПб.: Алетейя, 2022.
11. Реутов Е.В. Уровень и характер религиозности в регионе (социологический анализ) // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 7. 2018. № 7. С. 110–118.
12. Руткевич Е.Д. Религия, неверие и духовность «никаких»: проблемы определения и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 29–48.

13. Синелина Ю.Ю. Циклы секуляризации в истории России. Социологический анализ: конец XVIII — начало XXI века. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011.
14. Социальные факторы межэтнической напряжённости в России / Монография [М.Ф. Черныш и др.]: отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
15. Трофимов С.В. Социальные источники двоеверия и искажения религиозного учения // Социология религии в обществе позднего модерна. Т. 9. 2020. № 9. С. 56–60.
16. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985.
17. Яблоков И.Н. Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению. — М.: Гардарики, 2000. — 536 с.
18. Яблоков И.Н. Социология религии. Теоретические проблемы. — М., 2014. — 265 с.
19. Cipriani R., Rikucci R. Introduction. Discussing religions in a globalized world. Trends, changes and novelties // Научный результат. Социология и управление. Т 6, № 3. 2020. С. 4–8.
20. Chaeyoon L., MacGregor C. and Patnam R. (2010), “Secular and Liminal: Discovering Heterogeneity among Religious Nones”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 49(4), 596–618.
21. Lebedev S., Blagojević M., Pokaninova E. (2020). Value- and Reflection-based Approach to Indicators of Orthodox Religiosity of the Population. *Stanovništvo*. 58(1). P. 47–61.

Kublitskaya Elena Aleksandrovna

Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Institute for Demographic Research — a separate division
E-mail: eakubl@yandex.ru

Lebedev Sergey Dmitrievich

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru

To the analysis of the religious situation in the Belgorod region

Abstract. The article presents the results of monitoring the religious situation in the Belgorod region in 2016–2020. The methodological basis of the study is the theoretical concept of the religious situation by D.M. Ugrinovicha — I.N. Yablokov — R.A. Lopatkina and author's developments of individual indicators of religiosity. The author's methodology is presented, which allows to fix and compare various indicators of the religiosity of the population. The results of the study give an idea of the state and dynamics of religiosity in the region at the beginning of the 2020s.

Keywords: religious situation; religiosity; religious faith; Russian regions; values; Belgorod region